

«Я ГОВОРЮ ПО ПРАВУ СОЛДАТА...»

А. Савчишина

Я весь день ходила за ним — директором НИИ проблем экономической истории России XX века Максимом Матвеевичем Загорулько, — что нитка за иголкой, просила «рассказать про войну» для статьи. Но с утра он вел заседание диссертационного совета Волгоградского госуниверситета, потом встречался с аспирантами, освободился только к вечеру. И вот сидим в опустевшей редакции — как не бывало напряженного дня! Будто не пролетели десятилетия! Сразу вспомнил:

— Поздно ночью после выпускной вечеринки мы возвращались из школы по домам, а в селе огни горят, печи топят. Прихожу к себе — и наша мама пирожки печет: «Завтра всем в военкомат». Мальчишкам казалось, что эшелон от родной станицы несется к Саратову на крыльях победы, что впереди только удача и приключения. Вместо этого — бомбежки, горящие вагоны и первые убитые герои, так и не увидевшие фронта...

— 25 августа 42-го — самый памятный день. Нас уже подучили, как винтовку держать, переобмундировали, чуем, что скоро в бой. Товарища моего, трубача, с утра поставили дрова колотить. А он, видно, струхнул — и отмахнул себе палец, «закончил» для себя войну. К вечеру во исполнение приказа № 227, известного как «Ни шагу назад!», его расстреляли. С этой минуты я стал взрослым, и другие тоже поняли: тут не романтика, не истерика — тут война.

Сталинград командир отделения Загорулько оборонял всего сутки. Пехотинцы попали под минометный обстрел, командира контузило так, что очухался только в госпитале. После лечения он оказался в учебно-танковом полку, который бросили в кровопролитные бои под Киев и Житомир...

Конечно, на войне везде тяжело. И везде страшно, и все бояться смерти. Но каково танкисту, который всегда идет первым и первым подставляет немцу лоб? Максим Матвеевич не стал долго «расписывать»:

— Наверное, я страшно везучий. Из пяти подбитых танков прыгал. Осколков ношу еще много и сейчас.

Я спросила, какие радости бывали на войне. Он вспомнил разбитного Ленку Хижняка, который однажды принес подарок — трофейный финский нож. Нож всегда лежал за голенищем. Однажды, уже скатываясь с брони, Максим увидел за гусеницей присевшего фашиста и дуло его автомата. Ничего не успел подумать, но успел выхватить нож, всадить и повернуть.

— Я в жизни испытал много радости. Но это чувство так многолико — у моего поколения тогда оно было связано с исполненным долгом. И в ту минуту я этот долг выполнил.

Когда в 44-м году танкист Загорулько получил свою первую награду — медаль «За отвагу», как многие его товарищи, он был не столько рад, сколько спокоен: материнский наказ выполнил, и не стыдно возвращаться домой.

Их 7-й механизированный корпус резерва Главнокомандующего кидало по второму, третьему, четвертому Украинским фронтам. Его экипаж война раскидывала по госпиталям и братским могилам. Но до сих пор Максим Матвеевич помнит по именам всех боевых друзей, а особенно — механика-водителя Ивана Кобеца. Желторотые сержанты были просто влюблены в тридцатидвухлетнего «старика»: такой он был хозяйственный, неторопливый и чистый, когда, к примеру, рассказывал, как выбирал в своей деревне невесту да как женился.

— А однажды танк подбило, он вот-вот взорвется! Все испугались, и Иван тоже. Тут я прямо возмущился: чего тебе-то бояться? Ты уже все хорошее видел и прожил!

Дорога на Берлин у моего героя пролегла через Польшу, Чехословакию, Венгрию, захватила кусочек Югославии, Румынии и Австрии. В первые майские дни 45-го под Брно он был легко ранен, но в Берлин не попал

по другой причине. Танкисты получили приказ идти на Прагу, выручать чешских повстанцев. Напряжение было неимоверное:

— Навстречу нам по дороге двигались немецкие танки с вооруженными гитлеровцами — они шли сдаваться. Но ведь шли с оружием, что им от отчаяния в голову взбредет? А нам жить хотелось и узнать, какая же она пришла — победа.

Когда она придет, уже знали. Ребята в танке настраивали радио и слушали: не сегодня-завтра объявят, вот-вот грянет... Ни у чехов, ни у словаков радио не было, но ночью 8 мая дед, во дворе которого квартировали танкисты, разбудил их и повел в цветущий сад: «Копайте, тут давно лежит боченок вина. Отметим победу».

А уже на следующий день, после официального сообщения, все освобожденное население: деды, женщины и дети — обнимали наших бойцов, целовали и забрасывали букетами сирени и цветущей черешни. Черешни в тот день 9 мая просто тонули в белом розовом...

Из этого цветущего мира им, конечно, очень хотелось домой. И, когда вскоре пришел приказ оставить танки, а личному составу грузиться в эшелоны, кто-то на радостях выдал желаемое за действительное: «Едем в Одессу!» Про «одесские» шуточки догадались только через несколько дней, когда эшелон промчался и мимо Москвы, и мимо уральских, сибирских городов, а притих только на границе с Монголией.

Обстрелянных и обветренных фронтовиков встречали новенькие танки, чистенькие невоевавшие члены экипажей и автоматчики. Про войну с Японией не было ни слова, а был приказ: идти только ночью, днем рыть капониры, ставить туда и маскировать машины, отсыпаться, ночью опять идти...

— Сколько нарыли, перекидали этой земли! Сил не было счесть.

А нужны были силы снова воевать. Максим Матвеевич считает, что многим нашим бойцам спасла жизнь... теория. Ведь теоретически считалось, что через Большой и Малый Хинганские хребты танк не пройдет, потому японцы наших и не ждали. А советские части непроходимую дорогу одолели...

Только после окончательной победы во Второй мировой войне старший сержант Загорулько попал наконец домой, в Россию, в столицу. Вместе со старшим лейтенантом Скоторенко и еще одним бойцом выполнили ответственное поручение — как святыню везли

и сдали знамя своего расформированного полка в Музей Вооруженных Сил СССР.

Через несколько дней сержант вернулся на родину в село Дивное и на следующий день был избран вторым секретарем райкома комсомола: «Здесь как никогда почувствовал, что нужно учиться, и через несколько месяцев стал студентом пединститута».

Нет ничего удивительного в том, что сначала солдат Загорулько с друзьями-танкистами вписал в историю века самые щемящие, тревожные и радостные военные страницы, а потом студент-историк Загорулько начал их изучать и осмысливать. Удивительно, как держались за учебу в голодный 47-й год тысячи фронтовиков:

— Продовольственную карточку сдаю в студенческую столовую, а хлебный паек несу на продажу. Я ж с фронта — без курева не жилец! На вырученные деньги беру два стакана самосада. За это удовольствие плата выходит такая: день — обед без хлеба, следующий — хлеб без обеда. Но экзамены сдал на отлично!

...Правда, тут же упал в голодный обморок. Лешка Чернавин — староста, бывший моряк, без ноги — похлопотал, и Максима направили в санаторий, где главврач без записки выписывал всем главное лекарство — двойной обед и два бутерброда в придачу. «Подлечился» он в тот месяц на десяток килограммов.

Учился и жил мой герой так же жадно. На первом курсе женился раз и навсегда, содержал семью, торопился работать. Может быть, потому всего за шесть лет закончил институт и выучился в аспирантуре, защитил диссертацию.

Над докторской Максим Матвеевич работал, уже будучи ректором нашего педагогического института. И через три десятка лет война не отпускала. Он перерыл 27 различных архивов, собирал по крупиночке цифры и факты, чтобы показать крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории, а вышло — показал советского человека.

— Гитлеровцы очень хорошо подготовились не только к военным операциям, но и к экономическому освоению СССР. Все было четко расписано: вот коменданты, вот система налогов, кто, как, где и что обязан выполнять... Но экономику-то нашу изучили, а душу российскую не поняли. Потому ничего у них с молниеносной победой и не вышло.

Лет через десять профессор Загоруйко отправился в тогдашнюю ФРГ на научную конференцию, посвященную вопросам защиты мира.

В составе делегации был подготовленный докладчик, но... «Вам выступать через два часа», — неожиданно оповестили волгоградского ученого. Он сел, раскрыл блокнот и за сорок минут написал выступление. Вышел на трибуну:

— Я участник войны и говорю по праву солдата...

Стал рассказывать о буднях войны, неизвестных многим, об архивных документах, о судьбах товарищей — и в зале разразилась такая бурная дискуссия! Потом он выступал в Нюрнберге: в полутысячном зале сидели не ученые, а простые немцы, прошедшие Вторую мировую войну, а затем еще и «холодную войну». «Где этот, из Сталинграда?» — грозно размахивал костью один из них после выступления Загоруйко.

Но вот прошли еще десятилетия. На смену поколению побежденных в Германии явилось другое, которое уже не «размахивает костью».

— Но и эти немцы слишком мало знакомы с нашей общей историей, с нашей страной и нашим человеком. Например, судят о пребывании немецких военнопленных в СССР по воспоминаниям и мемуарам: наши-то документы десятилетиями были засекречены! А перед историей надо быть чес-

тными: сейчас НИИ, который я возглавляю, подготовил и издает сборник 480 основных директивных документов, которые регламентировали это «пребывание». Тут не эмоции, тут цифры говорят, а они куда красноречивее.

Например, немцев в наших лагерях погибло 15 процентов от общего количества пленных. (Наших же бойцов в немецких — 57 процентов.) Продовольствием вчерашние враги обеспечивались так же, как наши гражданские лица. Эти документы находит в московских архивах теперь уже другой ученый. Сергей Григорьевич Сидоров готовит докторскую диссертацию под руководством профессора Загоруйко.

Фотографию старшего сержанта Максима Загоруйко, сделанную в мае 1945 года, я увидела в музее истории Волгоградского университета.

Можно немало рассказать о том, как ровно двадцать лет назад Максим Матвеевич возглавил новый вуз, как строил его с первого колышка, как создавал в нем уникальный музей курсантских полков, оборонявших Сталинград.

Но лучше подойти к еще одному музейному стенду. Это «Ода университету», написанная профессором Софией Лопушанской. «...Наш сегодняшний студенческий билет подписан был в далеком 45-м» — излишне объяснять, что к моему герою эти слова имеют самое непосредственное отношение.

Газета «Областные вести», 2000